УДК 930.85

DOI: 10.6060/BHISUCT2020_41

Самотовинский Д.В.

Самотовинский Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии. Ивановский государственный химико-технологический университет. E-mail: samotov@mail.ru

ГУМАНИЗМ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРОТИВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИДЕИ «СТАРЕНИЯ МИРА»

В статье рассматривается малоизученный аспект отношений между средневековым и ренессансным взглядами на мир, которые сосуществовали в XIV-XVI вв. на христианском Западе. Средневековое сознание исходило из представления о «старости мира» и его близкой гибели, о моральной, интеллектуальной и физической деградации человечества. Это представление вступало в противоречие с антропологией и историческим оптимизмом ренессансных гуманистов, которые выдвинувшими идею неисчерпаемой мощи природы, способной в настоящем и в будущем породить выдающихся личностей, не уступающих «древним» в интеллектуальном и нравственном отношении. Мир, верили гуманисты, не состарился, а его гибель будет иметь место в далёком и неопределённом будущем.

Ключевые слова: Возрождение, Реформация, Средневековье, гуманизм, «старость мира», «конец света».

Samotovinskij D.V.

Samotovinskij D.V. — Candidate of History, Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology. E-mail: samotov@mail.ru

RENAISSANCE HUMANISM AGAINST THE MEDIEVAL IDEA OF "SENILITY OF THE WORLD"

The article deals with a little-studied aspect of the relationship between Medieval and Renaissance worldviews, which coexisted in the XIV-XVI centuries in the Christian West. Medieval consciousness was based on the idea of the "senility of the world" and its near death, the moral, intellectual and physical degradation of mankind. Such idea was contrary to anthropology and historical optimism of humanists. They put forward the idea of the inexhaustible power of nature, which was capable in the present and in the future to produce prominent persons who were not inferior to the "ancients" in intellectual and moral terms. The world, humanists believed, had not aged, and its end would take place in the distant and uncertain future.

Key words: Renaissance, Reformation, Middle Ages, humanism, "senility of the world", "end of the world".

Средневековый христианский мир постоянно ощущал, что переживает наихудшие времена, эпоху «старости», которая вскоре завершится эсхатологической развязкой. Человеческий род, поражённый первородным грехом, постепенно, но неотвратно вырождался морально, интеллектуально и физически (*mundus senescit*) [16; 22; 24, р. 137–153]. Подобные представления устойчиво доминировали на протяжении всего Средневековья, несмотря на динамизм средневековой цивилизации, на её экономические и культурные успехи. Периоды средневековых «ренессансов» не были исключением. Так называемый «ренессанс» XII в., например, был глубоко пессимистичен и описывал себя в таких терминах, как «упадок», «закат», «дряхлость», «порча» и «крушение». «Дряхлость и старость — преобладающие метафоры самосознания XII века» [20, р. 1153–1154]. Даже идея о кумулятивном росте знания не выходила за рамки концепции «старения мира»: если «современные» и знают больше «древних», то не потому, что превосходят их в умственных способностях, «современные» уступают «древним» по силе ума. Больше они знают лишь потому, что присовокупили к наследию «древних» свои скромные знания. «Современные могут видеть более ясно, чем древние, но они не более мудры, [чем древние]», — считал Вильгельм из Конша. Иоанн Солсберийский цитировал своего современника Бернарда Шартрского: «Мы словно карлики на плечах гигантов, ибо мы можем видеть больше и дальше, чем они, но, очевидно, не потому, что мы более зорки или выше ростом, но потому, что мы поставлены и вознесены на их гигантскую высоту» [16, р. 67–68].

«Осень Средневековья» и начало Нового времени не означали закат эсхатологических форм видения Истории и идеи «старения мира» [17]. Напротив, времена бедствий и Реформации благоприятствовали росту эсхатологических и пессимистических настроений [17, р. 271, 278], которые широко распространились благодаря триумфу книгопечатания [17, р. 273–277]. В XVI в. и католики, и протестанты были уверены, что мир предельно «стар». Природа человека, его моральные, интеллектуальные и даже физические способности ослабли, пороки умножились. Католический теолог и астролог Ришар Русса, наблюдая современные бедствия и распространение «ереси», был убеждён, что мир движется от своей «Осени» к последнему периоду — «Зиме» [8, с. 133–139]. «Осень Мира завершилась и закончилась или совсем скоро завершится. Ибо уже весь мир отдан во зло и порок или почти весь» [27, р. 62–63]. «Где видим мы сейчас людей, живущих столь долго, столь достойно, столь справедливо, как в прошлом? <...> День ото дня природа человеческая слабеет и мельчает, рост людей уменьшается и убавляется, и детей ныне рожают дети, жизнь которых стала короче» [27, р. 84]. Теолог, проповедник и полемист Арно Сорбен восклицал: «О несчастный мир, как ты стар! И если окинуть взором твои безумства, каждый рассудит, что ты близок к гибели...» [28, f. 111v]. «Мы хорошо знаем, что Сатана, наш противник, стремится лишь к тому, чтобы сбить с пути бедных христиан, подверженных слабости, особенно в эти последние времена, зная старость этого мира, способного принять его убеждения» [28, f. 119v]. Бенедиктинец Бонтан Лежевнушал пастве, что «последний век мира преисполнен великой напастью, как старость — болезнью. Мы видели и видим уже длительное время в этом старом и седом веке эти бедствия: голод, мор, разрушение, войны, ужасы. Всё это — томления его последних лет [жизни]. Отсюда частые небесные знамения, которые мы видим, и землетрясения, и нарушения порядка смены времён года, и рождение монстров, каковые суть чудеса и удивительные знамения времени, которое ещё длится, но уже начинает походить к концу» [13, f. 46v].

Реформаторы также были убеждены в «старости» мира. Несмотря на то, что они с энтузиазмом говорили о «восстановлении» «церкви Христовой», о «разрушении» «церкви Антихриста», они оставались в рамках историко-эсхатологического видения Августина, которое не предполагало триумфа «истинной церкви» в рамках земного ми-

ра, на данный момент состарившегося и одолеваемого дьяволом. Даже там, где утверждалась «реформированная церковь», большинство составляют не праведники. Лишь второе пришествие Христа и «последний суд» должны были означать коренной и окончательный перелом в борьбе добра со злом и положить начало вечному Царству Божьему [9, р. 303–323]. А пока мир, впавший в дряхлость, доживал свои последние дни. Кальвин был убеждён, что «мир всегда движется к упадку и мало-помалу впадает в пороки и извращения» (*le monde va tous jours en decadence, et que peu à peu il decline à vices et corruptions*) [14, f. 21v], «постоянно ухудшается, дойдя [ныне] до крайней степени, что мы и наблюдаем» (*il est décliné tous jours en empirant, jusqu'à ce qu'il est venu en l'extrémité où nous le voyons*) [15, р. 19]. Друг и соратник Кальвина Пьер Вире [9, р. 303–323] утверждал: «Не стоит изумляться, если почти нет в этом мире чего-либо стоящего. Ибо он уже весьма стар и дряхл. И поскольку природа человеческая наиболее немощна и слаба, когда она угнетена старостью, поэтому она вяла и бессильна. И поэтому так мало людей, которых мы могли бы сравнить с древними в чем бы то ни было. И, что хуже всего, в этой слабости и старости природы по мере того, как сила добродетели уменьшается и иссякает день ото дня, напротив, пороки, любовь к наслаждениям, нетерпеливость, непостоянство, вероломство, невежество и глупость возрастают» [29, р. 74–75]. Последователь Кальвина Жорж Пакар (?-1610) констатировал: «Мы можем также заметить, что времена года не выполняют более своих обязанностей, как должны, земля утомляется, горы не дают нам более того изобилия металлов, век человека сокращается день ото дня, и не только способность и сила природы [идут на убыль], но также благочестие и честность. Посему мы можем сказать, что мир — в упадке и близок к своему концу» [25, р. 458].

В историко-эсхатологическом сценарии Реформации также важное место занимала идея «восстановления» светской словесности, *bona litterae*. Реформаторы отдавали должное усилиям гуманистов-филологов, «восстановивших», возродивших античное знание, в том числе древних языков, что стало предпосылкой Реформации и «очищения» Евангелия [18, р. 49–57]. Казалось бы, представление о «восстановлении» противоречит идее «старости мира», предполагавшей интеллектуальную деградацию в истории. Однако для деятелей Реформации это «восстановление» было лишь бледным подобием культурного расцвета греко-римской Античности. Современные интеллектуалы, при всей своей учёности, не могли сравниться с «древними» в своих дарованиях и достижениях. Филипп Меланхтон, соратник Лютера, был убеждён: «...Поскольку природа человеческого рода поражена старостью, стремление к добродетели ослабло. Какие доблестные мужи, какие ораторы или искусные мастера есть в мире, которые могут сравниться с древними?! В этой немощи природы возрастают пороки — лень, любовь к наслаждениям, изнеженность, нетерпение, легкомыслие, неверность, глупость, словно в болтунах, убежденность в собственной мудрости. Из этих источников происходят великие беспорядки как в империях, так и в церквях» [23, р. 337–338]. Последователь Кальвина Клод Бодюэль также был уверен, что «современным» далеко до учёности «древних». Одна из основных причин, по которой нынешние молодые люди не столь совершенны в науках, — «это слабость человеческой природы и старость мира, который клонится к своему концу» [19, р. 205–206].

Культура гуманизма XIV–XVI вв. была несовместима с идеей «старости мира». Уже первые гуманисты видели в своих учёных занятиях не воспроизведение мудрости и красноречия «древних», но творческую деятельность. Подражание Античности мыслилось лишь как ученичество. Восприняв образ мысли «древних», их язык и стиль, их нравы, надлежало обрести самостоятельность, способность порождать свою собственную культуру, искать ответы на свои вопросы, по-своему, на свой лад выражать свою мысль и доносить её до современников и потомков. Петрарка убеждал современ-

ников, что «древние» не познали всего, не исчерпали всех возможностей искусства красноречия, а потому простым подражанием не обойтись, надлежит, как и они, стать творцами [5, с. 28]. Не случайно гуманисты постоянно сравнивают самих себя с «древними», пытаясь «измерить» собственную зрелость как субъектов добродетели, познания и творчества. Первые гуманисты часто были склонны ставить себя ниже древних в науках, искусствах и добродетели [6, с. 116–130]. Но впоследствии в гуманизме утвердилось мнение, что лучшие представители современной культуры не уступают самым выдающимся античным мыслителям, риторам, живописцам, ваятелям и зодчим. Современность была осмыслена как новый «золотой век», как выдающаяся эпоха, когда после тысячелетия упадка («средний век») культура вновь достигла расцвета, сопоставимого с Античностью [2, с. 84–91; 7, с. 12–15].

Гуманисты не покушались на традиционный средневековый историко-эсхатологический сценарий, однако предпочитали жить «золотым веком» настоящего. Конец мира отодвигался в неопределённое далёкое будущее. Петрарка исходил из того, что ещё пройдут многие столетия и тысячелетия, прежде чем мир состарится и погибнет [5, с. 28]. И конечно же, гуманисты не могли принять допущение, что мир уже «стар» и природа производит людей, уступающих древним в интеллектуальных, нравственных и даже физических способностях. Это означало бы, что «современным» не суждено стать полноценными субъектами культуры, все их усилия и труды тщетны, а похвалы своим современникам, гордость за собственную эпоху смешны; лучшее, на что они могут рассчитывать, — быть «карликами» на плечах античных «гигантов». Гуманизм с его представлением о природе человека и его земном предназначении как творца, продолжающего божественное творение [7, с. 65–168], не мог позволить себе такого, не перестав быть собой.

Напротив, гуманисты подчёркивали, что природа не утратила своей творческой мощи и, как и во времена «древних», способна производить «гигантов». Гуманист, архитектор, теоретик ренессансного искусства Леон Баттиста Альберти, признавал, что сначала ложно полагал, что «благороднейшие и удивительнейшие умы встречаются ныне весьма редко, да и те не заслуживают похвалы», что «сама природа, мастерица всех вещей, состарившись и одряхлев, не производит больше на свет ни гигантов, ни людей таких дарований, каких она в чудесном изобилии порождает в свою, я бы сказал, юношескую и более славную пору». Однако затем, познакомившись с достижениями своих современников, убедился, что они «ни в одном похвальном деле не уступают кому бы то ни было из древних и прославленных мастеров этих искусств» [3, с. 25].

В следующем столетии Хуан Луис Вивес утверждал, что «неистощимая природа не менее щедро одарила новых талантом и вкусом» [10, с. 466]. «Неверно и глупо кем-то придуманное сравнение, которому многие приписывают великую тонкость и глубину: “По отношению к древним мы — карлики, взобравшиеся на плечи великанов”. Это не так. И мы не карлики, и они не великаны, а все мы люди одного роста, и благодаря их наследству мы можем подняться даже чуточку выше, лишь бы сохранить их деятельную страсть, горение духа, доблесть и любовь к истине. Но если у нас и не будет этого, мы опять же не карлики и не на плечах у великанов, а люди нормального роста, растянувшиеся на земле» [10, с. 467]. Расхожая метафора, почитаемая на протяжении веков как выражение мудрости, была объявлена гуманистами «глупостью».

Жоашен Дю Белле, убеждая своих соотечественников развивать французский язык, чтобы сделать его таким же совершенным, как латинский и древнегреческий, утверждал: «...Не следует ссылаться на превосходство древности и, подобно тому как Гомер жаловался на то, что люди его времени имели слишком маленькие размеры, говорить о том, что современные умы не могут сравниваться с древними. Архитектура, искусство мореплавания и другие древние изобретения действительно заслуживают

восхищения, но, однако, принимая во внимание необходимость, мать всех искусств, они не являются столь великими, и не следует полагать, что небеса и природа вложили в них все свои силы, энергию и мастерство. Я не буду приводить в качестве подтверждения того, что говорю, книгопечатание, сестру муз и десятую из них, и этот столь же удивительный, сколь и гибельный артиллерийский огонь, как и множество недавних изобретений, убедительно показывающих, что в течение долгого бега веков человеческий разум нисколько не выродился» [1, с. 245–246]. Вера гуманистов в то, что их способности не уступают дарованиям «древних», была необходимым условием их деятельности. «Мы не считаем, — писал Луи ЛеРуа, — что природа даровала им [древним] свои милости, оставшись бесплодной на будущее. Как она в прошлом произвела на свет некоторых прославленных мужей, раскрывших множество её тайн, так она способна породить ещё [людей], которые благодаря влиянию неба и исключительному дарованию, живости ума и упорству достигнут того, чего длительный опыт, усердное исследование и проницательный разум до сих пор не достигли» [4, с. 114].

В XVI столетии гуманизм столкнулся с вызовом церковного раскола и ожесточённого религиозного конфликта. «Золотой век» остался в прошлом. В 1562 г. во Франции начался затяжной период Религиозных войн. Враждебность и насилие, охватившие Францию и Христианский мир, воспринимались гуманистами как безумие и нарушение божественного закона, означали лишь хаос, моральное разложение, разорение и культурный упадок. Иными словами, все эти бедствия являли собой отрицательную динамику истории, чреватую пугающим будущим. В этих условиях могло показаться, что мир и в самом деле «стар», одряхлевшая природа порождает людей, не способных к добродетели и поддержанию социальной гармонии. Гуманисты не могли не ответить на этот вызов. В своих «Рассуждениях о бедствиях этого времени», созданных в 1562 г., в разгар первой войны, Пьер Ронсар не жалеет тёмных красок для описания ситуации. Современность — это «перевернутый мир» (*lemonderenversé*) [26, р. 71]. Однако Ронсар не считал, что мир окончательно деградировал и состарился. Сочинение, главной интенцией которого является призыв к Екатерине Медичи спасти королевство, начинается с общего философского рассуждения: «Если бы от начала мира / Порок из века в век возрастал, / То крайняя злоба уже давно бы / Переполнила мир и не было бы ничего, кроме порока. / Но поскольку мы видим повсюду, что живут / Одни добродетельно, другие — порочно, / Нам следует признать, что мерзкий порок / Не одержал верх, но таков же, / Как в тот день, когда человек был облачен, / Словно в одеяния, в порок и добродетель...» [26, р. 61–62]. Человеческая природа со времён грехопадения не ухудшилась, а поэтому современность, какой бы ужасной она не казалась, не является апофеозом зла и конечной точкой исторической деградации человечества. Бедствия и упадок нравов, которые видят современники, не являются чем-то беспрецедентным, свидетельствующим о слабости человеческой природы, «старости мира» и скорой его гибели. Положительная динамика истории по-прежнему мыслится как возможная. Ронсару вторил другой гуманист — Луи ЛеРуа. Хотя Франция и весь мир претерпевает неслыханные бедствия, это не означает, что мир и человек деградировали: «Некоторые полагают, что люди постоянно вырождаются и дела человеческие идут всё хуже и хуже. Если бы это было так, то за то длительное время, которое уже существует мир, мы бы все полностью выродились, и среди нас не осталось бы ни одного достойного» [21, р. 16].

Такова была позиция гуманизма в условиях социальных катаклизмов XVI в. Идею неисчерпаемой творческой мощи природы, способной производить «благороднейшие и удивительнейшие умы», несомненно, можно рассматривать как надёжный «маркер» культуры Возрождения и гуманизма. Идея «старения мира» и человеческой природы была несовместима ни с гуманистической антропологией, ни с пониманием

гуманистами своей исторической миссии. Гуманизм оставался гуманизмом, лишь веря в то, что лучшие времена человечества не прошли, что «современные» способны быть культурными субъектами, познавать и преобразовывать мир, привносить в него новизну, как когда-то делали те самые «древние», на которых они ровнялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка. Эстетика Ренессанса: в 2 томах. М., 1981. Т. 2. С. 235–269.
2. Кудрявцев О.Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // Личность — идея — текст в культуре Средневековья и Возрождения: сборник научных трудов в честь шестидесятилетия Н. В. Ревякиной. Иваново: ИвГУ, 2001. С. 84–91.
3. Леон-Баттиста Альберти. Три книги о живописи // Леон-Баттиста Альберти. Десять книг о зодчестве: в 2 томах. Том 2. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1937. С. 25–63.
4. Луи Леруа. О непостоянстве, или разнообразии вещей во вселенной [книга XII]. Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме. Иваново, 2003. С. 111–125.
5. Ревякина Н. В. Итальянское Возрождение: гуманизм второй половины XIV века — первой половины XV века. Новосибирск: НГУ, 1975. 173 с.
6. Ревякина Н.В. Колуччо Салютати в споре об античности и современности // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Иваново: ИвГУ, 2000. С. 116–130.
7. Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново: ИвГУ, 2000. 323 с.
8. Самотовинский Д. В. Бои за эсхатологию в Европе XVI в.: французский теолог, философ и астролог Ришар Русса (Richard Russat) против апокалипсизма Реформации // Философия и культура. 2012. № 10. С. 133–139.
9. Самотовинский Д. В. «В эти последние времена... приложить руку к делу божьему»: историко-эсхатологические представления Пьера Вире // Средние века. 2014. Вып. 75. № 3–4. С. 303–323.
10. Хуан Луис Вивес. О причинах упадка искусств // Эстетика Ренессанса: в 2 томах. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 457–472.
11. Barnes R. Images of Hope and Despair: Western Apocalypticism ca. 1500–1800 // The Continuum History of Apocalypticism / Ed. by B. McGinn, J.J. Collins, S.J. Stein. N. Y.: Continuum International Publishing Group, 2003. P. 309–348.
12. Black R. Ancients and moderns in the Renaissance: the toric and history in Accolti's Dialogue on the preeminence of men in his own time // Journal of the History of Ideas. 1982. Vol. 43. № 1. P. 30–32.
13. Bontemps L. L'Esguillon de vertu. Paris: chez Guillaume Guillaude, 1556. 459 p.
14. Calvin J. Leconssur le livre des propheties de Daniel. Recueilliesfidelement par Jean Budé, et Charles de Jonviller, sesauditeurs : et translatées de latin en françois. Geneve: Imprimerie de François Perrin, 1569.
15. Calvin J. Traité des reliques / éd. par I. Backus. Genève: Labor et Fides, 2000. 86 p.
16. Dean J. The World Grown Old in Later Medieval Literature. Cambridge, Mass.:Medieval Academy, 1997. 379 с.
17. Delumeau J. La peur en Occident, XVIe–XVIIIe siècles: une cite assiégée. Paris: Le livre de poche, 1980. 608 p.
18. Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretation. New York: Houghton Mifflin Company, 1948. 429 p.
19. Gaufrès M.-J. Claude Baduelet la réforme des études au XVIe siècle. Paris: Hachette, 1880.
20. Jaeger S. Pessimism in the Twelfth-Century “Renaissance” // Speculum. 2003. Vol. 78, № 4. P. 1151–1183.
21. Le Roy L. Consideration surl'histoirefrancoise et l'uniuerselle de ce temps, dont les merueillesontsuccinctementrecitées. Lyon: BenoistRigaud, 1568. 46 p.

22. McGinn B. *Visions of the End: Apocalyptic Traditions in the Middle Ages*. N. Y.: Columbia University Press, 1979. 377 p.
23. Melanchthon P. *Commentaire de Philippe Melanchthon sur le livre des révélations du prophète Daniel. Item les explications de Martin Luther sur le mesme prophète adjoutées à la fin, le tout nouvellement traduit*. Genève: J. Crespin, 1555.
24. Ménard P. *Le sentiment de décadence dans la littérature médiévale // Progrès, réaction, décadence dans l'Occident médiéval / Ed. par E. Baumgartner, L. Harf-Lancner*. Genève: Droz, 2003. P. 137–153.
25. Pacard G. *Théologie naturelle, ou recueil contenant plusieurs argumens, raisons, et demonstrations prises de la nature, par lesquelles est prouvé manifestement qu'il y a un seul Dieu ... contre les Epicuriens et Athéistes*. Niort: par René Troismailles, 1606. 159 p.
26. Ronsard P. de. *Discours des misères de ce temps / éd. M. Smith*, Genève: Droz, 1979. 292 p.
27. Roussat R. *Livre de l'estat et mutation des temps, prouvant par autoritez de l'Escripture sainte & par raisons astrologales, la fin du monde estre prochaine*. Lyon: chez Guillaume Rouillé, 1550. 180 p.
28. Sorbin A. *Homélie sur l'interprétation des dix commandemens de la loy et opposition des playes d'Egypte aux transgressions d'iceux commandemens*. Paris: Chaudière, 1570. 336 p.
29. Viret P. *Dialogues du désordre qui est à présent au monde, et des causes d'iceluy, et du moyen pour y remédier*. Genève: Jean Girard, 1545. 1010 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dyubelle ZH. *Zashchita proslavleniya francuzskogo yazyka / per. A. Mihajlovai M. Tolmacheva // Estetika Renessansa: v 2 t. M., 1981. T. 2. S. 235–269*.
2. Kudryavcev O. F. *Mif o «zolotom veke» v kul'ture Vozrozhdeniya // Lichnost' — ideya — tekst v kul'ture Srednevekov' yai Vozrozhdeniya: sbornik nauchnykh trudov v chest' shestidesyatipyatiletiya N. V. Revyakinoj. Ivanovo: IvGU, 2001. S. 84–91*.
3. Leon-Battista Al'berti. *Tri knigi o zhivopisi // Leon-Battista Al'berti. Desyat' knig o zodchestve: v 2 t. Tom 2. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj Akademii arhitektury, 1937. S. 25–63*.
4. Lui Lerua. *O nepostoyanstve, iliraznoobraziyeshchej vovselennoj [kniga XII]. // Vozrozhdenie: obshchestvenno-politicheskaya i istoricheskaya mysl', chelovek v gumanizme. Ivanovo, 2003. S. 111–125*.
5. Revyakina N. V. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie: gumanizm vtoroj poloviny XIV veka — pervoj poloviny XV veka. Novosibirsk: NGU, 1975. 173 s.*
6. Revyakina N. V. *Koluchcho Salyutati v spore ob antichnosti i sovremennosti // Formy istoricheskogo soznaniya ot pozdnej antichnosti do epohi Vozrozhdeniya (Issledovaniya i teksty). Ivanovo: IvGU, 2000. S. 116–130*.
7. Revyakina N. V. *Chelovek v gumanizme ital'yanskogo Vozrozhdeniya. Ivanovo: IvGU, 2000. 323 s.*
8. Samotovinskij D. V. *Boi za eskhatologiyu v Evrope XVI v.: francuzskij teolog, filosof i astrolog Rishar Russa (Richard Russat) protiv apokalipsizma Reformacii // Filosofiya kul'tura. 2012. № 10. S. 133–139*.
9. Samotovinskij D. V. *«V eti poslednie vremena... prilozhit' ruku k delu bozh'emu»: istoriko-eskhatologicheskie predstavleniya P'era Vire // Srednieveka. 2014. Vyp. 75. № 3–4. S. 303–323*.
10. Huan Luis Vives. *O prichinah upadka iskusstva // Estetika Renessansa: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1981. T. 1. S. 457–472*.
11. Barnes R. *Images of Hope and Despair: Western Apocalypticism ca. 1500–1800 // The Continuum History of Apocalypticism / Ed. by B. McGinn, J. J. Collins, S. J. Stein. N. Y.: Continuum International Publishing Group, 2003. P. 309–348*.
12. Black R. *Ancients and moderns in the Renaissance: rhetoric and history in Accolti's Dialogue on the preeminence of men in his own time // Journal of the History of Ideas. 1982. Vol. 43. № 1. P. 30–32*.
13. Bontemps L. *L'Esguillon de vertu. Paris: chez Guillaume Guillaude, 1556. 459 p.*

14. Calvin J. Lecons sur le livre des propheties de Daniel. Recueillies fidelement par Jean Budé, et Charles de Jonviller, ses auditeurs : et traduites de latin en françois. Geneve: Imprimerie de François Perrin, 1569.
15. Calvin J. Traité des reliques / éd. par I. Backus. Genève: Labor et Fides, 2000. 86 p.
16. Dean J. The World Grown Old in Later Medieval Literature. Cambridge, Mass.: Medieval Academy, 1997. 379 c.
17. Delumeau J. La peur en Occident, XVIe–XVIIIe siècles: une cité assiégée. Paris: Le livre de poche, 1980. 608 p.
18. Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretation. New York: Houghton Mifflin Company, 1948. 429 p.
19. Gaufrès M.-J. Claude Baduelet la réforme des études au XVIe siècle. Paris: Hachette, 1880.
20. Jaeger S. Pessimism in the Twelfth-Century “Renaissance” // *Speculum*. 2003. Vol. 78, № 4. P. 1151–1183.
21. Le Roy L. Consideration sur l'histoire françoise et l'universelle de ce temps, dont les merueilles sont succinctement recitées. Lyon: Benoist Rigaud, 1568. 46 p.
22. McGinn B. Visions of the End: Apocalyptic Traditions in the Middle Ages. N. Y.: Columbia University Press, 1979. 377 p.
23. Melancthon P. Commentaire de Philippe Melancthon sur le livre des révélations du prophète Daniel. Item les explications de Martin Luther sur le mesme prophète ajoutées à la fin, le tout nouvellement traduit. Genève: J. Crespin, 1555.
24. Ménard P. *Le sentiment de décadence* dans la littérature médiévale // Progrès, réaction, décadence dans l'Occident médiéval / Ed. par E. Baumgartner, L. Harf-Lancner. Genève: Droz, 2003. P. 137–153.
25. Pacard G. Théologie naturelle, ou recueil contenant plusieurs arguments, raisons, et démonstrations prises de la nature, par lesquelles est prouvé manifestement qu'il y a un seul Dieu ... contre les Epicuriens et Athéistes. Niort: par René Troismailles, 1606. 159 p.
26. Ronsard P. de. Discours des misères de ce temps / éd. M. Smith, Genève: Droz, 1979. 292 p.
27. Roussat R. Livre de l'estat et mutation des temps, prouvant par autorité de l'Escripture sainte & par raisons astrologales, la fin du monde estre prochaine. Lyon: chez Guillaume Rouillé, 1550. 180 p.
28. Sorbin A. Homélie sur l'interprétation des dix commandemens de la loi et opposition des playes d'Egypte aux transgressions d'iceux commandemens. Paris: Chaudière, 1570. 336 p.
29. Viret P. Dialogues du désordre qui est à présent au monde, et des causes d'icelui, et du moyen pour y remédier. Genève: Jean Girard, 1545. 1010 p.

Поступила в редакцию 20.02.2020 г.

Принята к публикации 03.03.2020 г.

.....

Для цитирования:

Самотовинский Д.В. Гуманизм против средневековой идеи «старения мира» // Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 41–48. URL: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2020/1/bhi-2020-1-041.pdf>